

РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК КОНТЕКСТ, СНИМАЮЩИЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ

REGISTER OF INTERPRETATION AS DISAMBIGUATING CONTEXT

Падучева Е.В. (elena708@gmail.com), ВИНТИ РАН

В современной семантике фокус внимания смещается от описания отдельных значений языковых единиц к описанию семантических переходов и контекстов, обуславливающих сдвиг значения. Одним из таких контекстов является режим интерпретации. В докладе приводятся примеры эгоцентрических грамматических категорий, слов, конструкций, которые имеют в разных режимах разную интерпретацию.

По мере того, как совершенствуются наши методы описания значения, всё яснее дает о себе знать многозначность: многозначность в природе языка. Особенно это касается регулярной многозначности (Апресян 1974). Поэтому в современной семантике фокус внимания всё явственнее смещается от описания отдельных значений языковых единиц к описанию семантических переходов и контекстов, обуславливающих сдвиг значения.

Одним из таких контекстов стал в последнее время РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ; это контекст, необходимый для понимания значения ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ (в частности, ДЕЙКТИЧЕСКИХ) элементов языка – грамматических категорий, слов, конструкций. Семантика эгоцентрического элемента (ЭЭ) предполагает присутствие в ситуации некоего субъекта – говорящего или его аналога.

Можно различить три режима интерпретации. Основным является речевой, или диалогический режим. Ему соответствует каноническая коммуникативная ситуация (Lyons 1979: 579ff), когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д. Речевому режиму противопоставлены НАРРАТИВНЫЙ и ГИПОТАКСИЧЕСКИЙ.

Принято различать первичный и вторичный дейксис (ср. Апресян 1986). Под вторичным дейксисом понимаются такие явления, как дейксис художественного повествования; дейксис пересказа (так сказать, «третичный»); дейктическая проекция по Лайонзу (т.е. дейксис в неканонической, но все-таки диалогической ситуации); сюда же следует, видимо, отнести также дейксис в гипотаксическом контексте. Я применяю противопоставление «первичный–вторичный» не только к контекстам употребления дейктических и, вообще, эгоцентрических элементов, но и к самим этим элементам. Первичные ЭГОЦЕНТРИКИ – это слова и категории, которые полностью реализуют свой смысл только в условиях канонической речевой ситуации и ориентируются только на полноценного говорящего (а в не-канонической ситуации либо не употребляются, либо меняют свое значение); а вторичные могут, не меняя значения, ориентироваться не на говорящего, а на другое лицо.

Моя задача – показать, что режим интерпретации является контекстом, который необходим для раскрытия значения эгоцентрических элементов и снятия их неоднозначности. Чтобы дать общее представление о режимах интерпретации, мне придется частично повторить примеры, приводившиеся в Падучева 1986, 1996, 2004.

1. Первичные и вторичные эгоцентрики

Говорящий может присутствовать в семантике языковых единиц в разных ипостасях. Прежде всего – как субъект речи. А кроме того, как субъект ДЕЙКСИСА, субъект ВОСПРИЯТИЯ и субъект СОЗНАНИЯ (т.е. модальности, мнения, оценки, эмоции, и тому подобное).

Примером первичного эгоцентрика могут служить местоимения *я, ты, вон <там>*. Примером вторичного – неопределенные местоимения; так, *какой-то* предполагает субъекта неопределенности-незнания – им может быть как говорящий, так и другое лицо. Глаголы *послышаться, показаться, раздаться, доноситься* предполагают наличие в ситуации субъекта восприятия, иначе – Наблюдателя. Роль Наблюдателя тоже может выполнять как говорящий, так и другое лицо. Предложение (1а) – это знаменитый пример Наблюдателя из Апресян 1986, лежащий в основе понятия режима интерпретации:

(1) а. На дороге *показался* всадник [субъект восприятия, предположительно, говорящий];

б. Иван шел к морю. Вдруг на дороге *показался* всадник [предположительно, субъект восприятия – Иван].

Глаголы *кривляться, ломаться* предполагают субъекта оценки; *сейчас, неподалеку* – субъекта дейксиса; прилагательные и наречия *ясно, грустно, досадно, надо* – субъекта сознания, ср. примеры, которые приводятся

Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность

в связи с подразумеваемым субъектом сознания в статье В.В.Виноградова о «Пиковой даме» (Виноградов 1976):

- (2) а. Долгая зимняя ночь прошла *незаметно*;
 б. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, *вероятно*, над книгой или над работой;
 в. Неведомая сила, *казалось*, привлекала его к нему <дому графини>.

Все эти эгоцентрики вторичные.

При описании семантики языковых единиц лингвист обычно имеет в виду речевой контекст. Между тем, если контекст нарративный, то значение ЭЭ может меняться. Особенно это касается первичных эгоцентриков: вторичный эгоцентрик, по определению, имеет в нарративном контексте то же значение, что в речевом. Итак.

Вторичный эгоцентрик в нарративном контексте не меняет значения, но допускает две ориентации – персональную, как в (3б), и повествовательную, как в (3а):

- (3) а. Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, *конечно*, не забыла; [субъект уверенности – повествователь, который знает, как было дело; **повествовательная** интерпретация-ориентация]
 б. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, *конечно*, не разузнала ровно ничего. [пессимизм может принадлежать и Маргарите, **персональная** интерпретация]

Чаще, все-таки, субъектом уверенности является персонаж. И субъектом незнания тоже чаще бывает персонаж, чем повествователь. (Ср. незнающего повествователя у Гоголя и ненадежного повествователя в романе Набокова «Пнин».) Неоднозначность ориентации может, впрочем, возникать и в речевом контексте.

Первичный эгоцентрик, который требует канонической коммуникативной ситуации и полноценного говорящего, в контексте нарратива **либо**

- а) не употребляется вообще (... *испекли мы каравай вот такой вышины*), **либо**
 б) имеет другой смысл (ср. *Вот твоя книга!* = 'здесь' и *Вот пошел Иван в лес*), **либо**
 в) выводит за пределы диегетического пространства текста, выявляя внеположного этому пространству повествователя.

Есть еще одна возможность для первичного эгоцентрика в нарративе – несобственная прямая речь (НПР); это когда первичный эгоцентрик оказывается в распоряжении персонажа 3 лица; получаются, как говорит А.Банфилд, *unspeakable sentences*:

- (4) Князю *бы не хотелось* расставаться с этим крестом. [ср. *Мне бы не хотелось*] (Достоевский. Идиот)
 (5) *Лично ей* это было безразлично. (Р.Киреев. Ровно в семь у метро) [ср. *Лично мне* это безразлично]

Итак, чтобы говорить о значении эгоцентриков, надо идентифицировать режим интерпретации. Ниже будет показано на примерах, как режим интерпретации снимает неоднозначность ЭЭ. Предварительно, несколько уточнений.

1. Говоря о нарративе, мы до сих пор имели в виду повествование от 3 лица. Употребление эгоцентриков в повествовании от 1 лица отличается от третьеличного нарратива незначительно. В нарративе 1 лица употребляются, не выводя за пределы текстового пространства, эгоцентрики (в том числе – первичные), ориентированные на субъект речи. Примеры из Национального корпуса русского языка (сокращенно – НКРЯ, адрес в Интернете – www.ruscorpora.ru). оборот *по правде говоря* вполне уместен в (6), где есть *я*; а пример (7) этот оборот заставляет идентифицировать как несобственную прямую речь; так что (6) возможно в обычном речевом контексте, а (7) – специфический нарратив:

- (6) <...> доставать [ящик с игрушками] мне и самой, *по правде говоря*, не хотелось.
 (7) Тане, *пожалуй*, было интереснее общаться с Виталиком, поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем, но, *по правде говоря*, в качестве кавалеров её гораздо больше устраивали посторонние мальчики [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света].

Что же касается первичных эгоцентриков, апеллирующих к времени и месту говорящего, дейктических, то они в повествовании от 1 лица невозможны совершенно так же, как в третьей форме, поскольку у рассказчика и читателя нет общего пространства, поля зрения и момента речи. Пример из Гуковский 1959: 115 [*здесь* = 'в том месте, где находится повествователь']:

- (8) Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, потому что если бы *здесь* вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе. (Гоголь. «Старосветские помещики»)

2. Понятие режима интерпретации, т.е. разграничение речевого и нарративного режима, возникло на базе введенного Бенвенистом разграничения «плана повествования» и «плана речи». Однако режим интерпретации – понятие более изощренное. Интерпретация ЭЭ не только идентифицирует режим, но и выявляет ориентир. В одном и том же тексте **как правило** возможны разные режимы интерпретации для разных эгоцентриков; и уж заведомо разные ориентиры. Т.е. текст не принадлежит весь к какому-то одному плану. Так что надо уметь интерпретировать отдельные ЭЭ текста. Идентификация текста в целом как относящегося к тому или иному типу может быть разве что статистическая, ср. терминологические неудобства, которые возникают из-за этого в Шмид 2000.

В.В.Виноградов заключает в своей статье о «Пиковой даме» раздел под названием «Образ автора в композиции «Пиковой дамы»» словами: «Итак, мало того, что структура субъекта подвижна, что она двойственна по отношению к сферам сознания двух персонажей, но она вообще лишена точно очерченной субъективности. В самом субъекте как форме повествования заложена возможность приятия автором и мира Германа, и мира Лизы». Иначе это наблюдение В.В.Виноградова можно выразить так: повествователь, Лиза, Германн и даже старая графиня приблизительно равны в своем праве быть подразумеваемыми субъектами эгоцентриков этого текста.

3. Обращение к гипотаксическому режиму интерпретации ЭЭ позволяет ясно понять пример из Успенский 1970/2000: 79:

- (9) ... ей так хотелось поскорее, полегче, перелить из себя свое знание в *ребенка*, уже боявшегося, что вот-вот *тетя* рассердится, что она при малейшем невнимании со стороны *мальчика* вздрагивала, торопилась, горячилась, ... (Война и мир).

В этом отрывке основной субъект сознания – княжна Марья; Б.А.Успенский отмечает номинацию *тетя* восклицательным знаком. В самом деле, тут в пределах одной фразы – двойной переход от одного ориентира к другому, хотя обычно субъект сознания на протяжении какого-то отрезка текста один и тот же. А дело в том, что номинация *тетя* возникает в гипотаксическом контексте: субъект номинации – ребенок «боявшийся». Только поэтому двойная смена субъекта сознания не означает отклонения от нарративных норм, т.е. нарративной неудачи.

В следующем фрагменте из «Анны Карениной» двойная смена ориентира – носителя точки зрения (в квадратных скобках указан предполагаемый для данного фрагмента текста Субъект сознания):

- (10) [повествователь: Она *тоже* не спала всю ночь и все утро ждала его.] [Кити: Мать и отец были *бесспорно* согласны и счастливы ее счастьем. Она ждала его. Она первая хотела объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встретить его и радовалась этой мысли, и робела, и стыдилась, и сама не знала, что она делает. Она слышала его шаги и голос и ждала за дверью, пока уйдет mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла.] [повествователь: Она, не думая, не спрашивая себя, как и что, подошла к нему и сделала то, что она сделала.]

Слово *тоже* – эгоцентрик, поскольку пресуппозиция ‘Левин не спал всю ночь’ должна кому-то принадлежать. Она может принадлежать только повествователю, поскольку Кити не может знать про то, как провел ночь Левин. Дальше идет повторное описание сцены с mademoiselle Linon. Этот повтор мотивирован, очевидно, тем, что меняется персонаж – носитель точки зрения: раньше это был Левин, теперь – Кити. Но последняя фраза – снова от лица повествователя. Неясно, что это: прием или нарративная неудача.

Ниже следуют примеры употребления эгоцентриков в речевом и нарративном режиме. Рассматриваются три вида ЭГОЦЕНТРИКОВ: эгоцентрические грамматические категории, слова и конструкции. Показано, как режим интерпретации выявляет и снимает неоднозначность и какую роль в семантике вторичного эгоцентрика играет ориентир.

2. Грамматические категории

Пример 1. Главным примером первичного эгоцентрика в русском языке является грамматическое время (именно на анализе системы французских времен построена теория планов речи у Бенвениста (1959/1974)). В самом деле, между значением форм времени в речевом режиме и в нарративе вопиющая разница. Согласно общепринятым определениям, настоящее время означает одновременность МОМЕНТУ РЕЧИ; прошедшее выражает предшествование, будущее относит событие к некоему последующему моменту. Между тем, форма прош. времени несов. вида, которая в речевом режиме обозначает **предшествование** (моменту речи), в нарративном выражает **синхронность** (текущему моменту текста, т.е. текстовому времени):

- (1) а. Кто *сидел* на моем маленьком стульчике и сломал его? (Толстой. Три медведя) [прямая речь; т.е. речевой режим; форма прош. выражает **предшествование**]

- б. Старая графиня*** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки *окужали* ее. (Пушкин. Пиковая дама) [нарративный режим; прош.время выражает **синхронность**]

Прош. время во фразе (2) (почти цитата из романа А.Фадеева «Разгром») имеет в речевом и нарративном режиме понимания, существенно различные между собой, в речевом это долженствование в настоящий момент, в нарративном – сожаление о невыполненном долге:

- (2) Надо было исполнять свои обязанности.

Пример 2. Повествовательная и персональная интерпретация форм времени. Форма наст. в примере (1) – это несобственная прямая речь.

- (1) Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это в первый раз

Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность

в жизни он *слышит* такие грубости. (Чехов. Человек в футляре) [настоящее персонажа; НЕ наст. историческое]

- (2) Где же *были* ее краски? <...> Да, краски. Она оставила их в гостиной *вчера вечером*. (W.Woolf. To the Lighthouse) [прош. время – время повествователя]

Пример 3. В речевом режиме русская форма совершенного вида и англ. Present Perfect могут быть равны по смыслу:

- (1) а. My uncle *has broken* his leg [событие в прошлом; и состояние, актуальное в момент речи];
б. Мой дядя *сломал* ногу [событие в прошлом; и состояние, актуальное в момент речи].

Однако Present Perfect первичный эгоцентрик (он может быть ориентирован **только** на момент речи), а СВ – вторичный, и сочетается с обстоятельством времени. В контексте обстоятельства перфектность СВ, т.е. идея сохранения результата в момент речи, пропадает – пропадает и сходство с англ. перфектом:

- (2) а. Ко мне *приехали* родственники [событие; и состояние, актуальное в момент речи];
б. Ко мне *сейчас приехали* родственники [состояние, актуальное в момент речи].
в. Ко мне *вчера приехали* родственники [событие]; ср. *My relatives *have come yesterday*.

В этой связи вызывает сомнение анализ, предложенный в Апресян 1986 для примеров (3а) и (3б) – «в случае сов. вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т.е. тем временем, в котором он мыслит себя»; отсюда выводится свойственный сов. виду эффект сохранения результата в настоящем:

- (3) а. Я *прочел* «Войну и мир» в раннем детстве;
б. Я *читал* «Войну и мир» в раннем детстве;
в. Я *прочел* «Войну и мир».

На самом деле, сов. вид имеет перфектную семантику только в контексте предложения (3в), без обстоятельства, а различие между (3а) и (3б) можно усмотреть разве что в эксплицитности указания на доведения действия до конца.

Ю.С.Маслову принадлежит открытие того замечательного факта, что форма причастия на *н/т* без связки – это, в современном языке, не наст. время пассива, а особый вид: **статальный перфект** (Маслов 1983, 1987). В речевом режиме статальный перфект обозначает не событие и состояние, а только состояние. Причем в речевом режиме это состояние, которое актуально **в момент речи**. Еще в XIX веке статальный перфект не сформировался, отсюда неправильное понимание строчек из Лермонтова:

- (4) – Скажи-ка, дядя, ведь не даром / Москва, спаленная пожаром, / Французу *отдана*? (пример из Падучева 2004: 498)

В полном соответствии с этим анализом получаем аномалию в примере (5), где статальный перфект попадает в контекст цепочки. В самом деле, здесь глагол в позиции первого звена в цепочке означает, что состояние актуально в момент речи, а второй глагол противоречит такому пониманию:

- (5) *Телега *сломана* и после починена (⇒ *была сломана*). (пример на базе Маслов 1983)

Пример (6) показывает, однако, что форма статального перфекта может употребляться в гипотаксическом контексте, так что состояние, обозначенное глаголом в позиции первого звена цепочки, не обязательно ориентируется на момент речи, форма уместна и в таком контексте, где есть только момент наблюдения:

- (6) а. *Он увидел телегу и понял, что она *сломана* и после починена. (пример из Маслов 1983)
б. Он увидел телегу и понял, что она *была сломана* и после починена.

Итак, примеры (4), (5) показывают, что форма на *н/т* является в речевом режиме статальным перфектом наст. времени, а пример (6) – что она не является первичным эгоцентриком, т.е. формой, свойственной исключительно речевому режиму: она возможна и в гипотаксическом контексте, где обозначает состояние, актуальное на момент наблюдения. Так что статальный перфект, как и сов. вид, отличается от англ. формы Present Perfect, которая невозможна в гипотаксическом контексте.

В отличие от формы сов. вида, форма статального перфекта сочетается с обстоятельством прош. времени, характеризующим время события, **не теряя перфектности**, т.е. идеи актуальности состояния в момент речи. Это доказывает пример (7):

- (7) Церковь Спаса на Нередице *разрушена* во время второй мировой войны.

В настоящий момент состояние перестало быть актуальным, и предложение понимается как ложное.

Посмотрим теперь, как ведет себя эта форма в нарративном режиме (использован материал из Князев 1989). В нарративном тексте, в котором базовое время прошедшее, статальный перфект недопустим, поскольку форма без связки трактуется как наст. время. Поэтому в нарративном контексте в примерах (196), (197)¹, где базовое время прош., употребляется форма со связкой:

¹ Нумерация примеров – по Князев 1989.

(196) <Я предложил нечто.> Но мое предложение *было выслушано* с недоумением, а потом меня просто выгнали на улицу (Шефнер: 372);

(197) <...> Очнулся в кустах, <...> дополз с трудом до шоссе, где и *был подобран* (Богомолов: 151).

Статальный перфект в этом контексте невозможен:

(201') белые *искали* меня и не могли найти. *Вместо меня *арестован* гимназист К.

В противоположность этому, в (199), где имитируется речевой режим и возможно наст. речевое, возможна и статально-перфектная форма:

Сегодня, 16 августа, <...> *уничтожена* остаточная группа противника (Богомолов: 74).

Статальный перфект возможен и в контексте с базовым наст. историческим, т.е. там, где режим интерпретации нарративный, см. (201''):

(201'') белые *ищут* меня и не могут найти. Вместо меня *арестован* гимназист К.

В Князев 1989 нарративным называется то употребление глагольных форм, которое мы назвали цепочечным.² Ключевым для Ю.П.Князева является пример (201), в котором невозможна цепочка статально-перфектных форм:

(201) белые *искали* меня <...> Вместо меня *был арестован* и *отпущен* гимназист К. (Каверин: 273).

Наш анализ показывает, однако, что в контексте примера (201), с базовым прош. временем нарратива, невозможна не только цепочка (о которой автор говорит, что она имеет нарративную, или повествовательную функцию), но и единичный статальный пассив, см. (201'). В то же время в (201'''), где базовое время настоящее, возможен не только единичный пассив, но и цепочка:

(201''') белые *ищут* меня и не могут найти. Вместо меня *арестован* и *отпущен* гимназист К.

Получается, что цепочка статально-перфектных форм, невозможная в речевом режиме, пример (5), возможна в нарративном.

Пример 4. Персональная интерпретация утвердительной модальности. Открытием в теории нарратива можно считать обнаружение того факта, что персональную интерпретацию в НПР может иметь **утвердительная модальность** (индикативное наклонение). Сам факт наличия субъекта (всегда подразумеваемого) у индикатива не был до сих пор предметом внимания. То, что субъект есть, скажем, у опатива, не вызывает сомнений – естественно, что у желания имеется субъект³. Нельзя, однако, не признать, что и за утвердительной модальностью тоже стоит субъект сознания.

Как известно, в речевом режиме на утверждающем лежит ответственность за его утверждение – он несет так называемое эпистемическое обязательство (Парадокс Мура). В традиционном нарративе субъектом эпистемического обязательства, которое входит в семантику индикатива, всегда является говорящий, так что индикатив – первичный эгоцентрик. Между тем в НПР индикатив может оказаться, как и другие первичные эгоцентрики, в распоряжении 3 лица. Пример (из Tammi 2003):

(1) He [Frank Churchill] stopped again, rose again, and seemed quite embarrassed. – He was more in love with her than Emma had supposed <...>. (Джейн Остин. Эмма)

Второе предложение этого текста передает впечатление Эммы – которое, как читатель скоро узнает, не соответствует действительности. Использование НПР – это способ, которым автор пользуется для того, чтобы ввести читателя в заблуждение: субъектом индикатива в данном контексте является не повествователь, а персонаж – который имеет право ошибаться.

3. Слова

Пример 1: *сейчас* 4 (Мельчук 1985) как *сейчас* 1 нарративного режима. На примере значений слова *сейчас* как нельзя лучше демонстрируется зависимость значения слова от режима интерпретации.

Словари русского языка (в частности, Словарь языка Пушкина) различают у *сейчас* три значения:

сейчас-1 = 'в настоящий момент' (с настоящим временем глагола);

сейчас-2 = 'только что' (с глаголом в прош. времени);

сейчас-3 = 'в ближайшем будущем' (с глаголом в буд. времени).

В канонической коммуникативной ситуации, т. е. при дейктической интерпретации, слово *сейчас* может употребляться во всех трех своих значениях:

(1) Я *сейчас* пишу письмо (*сейчас*-1);

² Скорее всего, нарративным это значение называют исходя из формулировки (получившей широкое распространение), согласно которой в нарративах соблюдается Принцип хронологического порядка (изложения событий) – соблюдение этого принципа иногда принимается за само определение нарратива.

³ См. в Плулунян 2000: 317 о том, что грамматические показатели модальности описывают, в разных языках, либо точку зрения субъекта, либо говорящего.

Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность

- (2) Я *сейчас* писал письмо (*сейчас*-2);
 (3) Я *сейчас* буду писать письмо (*сейчас*-3).

Сейчас-1 выражает в речевом режиме одновременность ситуации с моментом речи, т. е. с настоящим временем говорящего. Отсюда аномалия в (4) (пример из Мельчук 1985):

- (4) К Мише нас не пустили. *Он был *сейчас* с дамой.

В самом деле, при интерпретации в речевом режиме возникает противоречие: *сейчас*-1 выражает одновременность ситуации с моментом речи, а прошедшее время глагола (*был*) представляет ситуацию как предшествующую этому моменту. Нужно было употребить адвербиал *в тот момент*, который служит нарративным эквивалентом для *сейчас* 2.

В примере (5), где *сейчас* совместимо с прош. временем глагола, И.А.Мельчук толкует *сейчас* 4 = 'в данный момент, имевший место в прошлом':

- (5) *Сейчас* он внушал жалость.

Между тем, *сейчас* 4 – это просто *сейчас* 1 в нарративном контексте (единственное из трех значений *сейчас*, которое является вторичным эгоцентриком и имеет одинаковую интерпретацию в обоих режимах).

Пример 2. Местоименные наречия *здесь* и *там* различаются примерно так же, как *сейчас* 1 и *сейчас* 2. А именно, *здесь* – вторичный эгоцентрик и употребляется в нарративе практически не меняя значения; а *там*, которое в речевом режиме каком-то смысле диалогично, т.е. принимает во внимание не только говорящего, но и адресата, в нарративе меняет значение: утрачивает семантику отдаленности и употребляется как чистый анафор.

Пример 3. Вводное *оказывается* предполагает несколько субъектов – Источник сведения, получатель сведения-знания и субъект удивления:

- (1) Нашлись, нашлись! Они, *оказывается*, болели и не подавали весточек! (Л. Петрушевская)

В (2) это разные лица: Источник сведения – собеседница-квартирохозяйка, а главный персонаж с удивлением передает состояние сознания собеседницы, которое не становится его знанием (пример Г.С. Храковского, с другой интерпретацией):

- (2) – Я вам скажу. Хотите откровенно? Я давно замечаю за Вами, Дима. – И тут она понесла такой невысказанный и ошеломляющий вздор, что Глебов онемел от изумления. *Оказывается*, он с каким-то особенным вниманием всегда осматривает их квартиру, на кухне его интересовали холодильник под окном и дверь грузового лифта. Однажды он подробно расспрашивал <...> (Ю.Трифонов)

В примере (3), речевой режим, это прямая речь:

- (3) Я, *оказывается*, люблю другую женщину (В.Набоков. Машенька).

В тексте Набокова говорящий (Ганин) употребляет эту странную фразу в ходе небрежного объяснения с надоевшей любовницей. Здесь словом *оказывается* описано получение говорящим сведений о самом себе. Т.е. Ганин является, одновременно, Источником сведения, субъектом знания и субъектом удивления – что и объясняет ее странность.

4. Конструкции

Дейктическая конструкция нам известна только одна. Это конструкция с генитивом отрицания в контексте глагола *быть*. В Падучева 1992 семантическое различие между генитивной конструкцией в (1а) и номинативной в (1б) было объяснено с обращением к фигуре Наблюдателя. Фраза (1а) уместна в устах человека, который находится (или имеет своего представителя) в школе. А (1б) не предполагает Наблюдателя:

- (1) а. Коли нет дома (ср. *Коли нет в Лондоне*);
 б. Коля не дома.

Генитив отрицания при глаголе *быть* выражает наблюдаемое отсутствие.

В речевом режиме Наблюдателем является говорящий. Поэтому для фразы (2), где субъект – говорящий, в ситуации, когда говорящий дома, прямая интерпретация дает противоречие: говорящий должен быть дома, чтобы наблюдать свое отсутствие. Единственное возможное понимание – в значении своего рода несобственной прямой речи. Обычно говорящий хочет, чтобы про него так отвечали по телефону:

- (2) °Меня нет дома.

Естественно, что в (3), в нарративном режиме, аномалия пропадает – Наблюдатель не говорящий, а врач (изменение режима меняет ориентацию Наблюдателя):

- (3) Приходит врач, а меня нет дома. [наст. нарративное]

В примере (4) говорящий, т.е. лицо, обозначенное местоимением я, не Наблюдатель, а Субъект сознания, который **мыслит себя** в некотором месте даже тогда, когда его там нет, так что фраза не аномальна и при интерпретации в речевом режиме:

(4) Меня не было в Москве.

В самом деле, (4) звучит, в контексте разговора двух москвичей, гораздо естественнее, чем, скажем, (5):

(5) Меня не было в Лондоне.

Между тем в примере (6) генитив неуместен (контекст: женщина стоит в очереди в сбербанк; у нее звонит мобильник; она отвечает клиенту, объясняя, почему она в этот момент не может дать ему нужной справки):

(6) *Меня нет в офисе (надо сказать – *Я не в офисе*).

В этой ситуации существенно, где человек реально находится, а не где он себя мыслит. Сопоставление примера (6) с примером (4) показывает, что важно различить место в котором говорящий находится, и место, которое он мыслит как свое (см. понятие личной сферы говорящего в Апресян 1986). Так что для субъекта 1 лица генитив при локативном *быть* в наст. времени полностью исключен.

Отсутствие человека в месте, которое он мыслит как свое, маркируется просодически (Падучева 2004: 460); так, в (7а) ремонт является только *нет*, а в (7б) – вся группа сказуемого в целом:

(7) а. Иванова нет \ в Лондоне;

б. Иванова нет в Москве \ .

Приведенные примеры показывают, что режим интерпретации – важный фактор, определяющий динамическую семантику эгоцентрического элемента. Следует подчеркнуть, что речевой режим – отнюдь не то же, что разговорная речь. Скажем, слово *отныне* – вторичный эгоцентрик и вполне допускает интерпретацию в речевом режиме, хотя относится к высокому стилю.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М.: ВИНТИ, 1986, с. 5-33.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
3. Князев Ю. П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т. München: Otto Sagner, 1989. (Specimina philologiae slavicae, Bd 81).
4. Мельчук И.А. Семантические этюды. I. «Сейчас» и «теперь» в русском языке.- «Russian linguistics», vol. 9, Nos. 2-3, 1985.
5. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
7. Плунгян В. А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
8. Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
9. E. Benveniste. Les relations de temps dans le verbe français. BSL, t. 54, 1959. Русский перевод: Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
10. Tammi P. Risky business: probing the borderlines of FID. Nabokov's An affair of honor (Podlec) as a test case. //Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tamperen yliopisto taideaineiden laitos, 2003, 41-54.